Автор повести о смерти Ростислава Мстиславича приводит слова, будто бы сказанные Ростиславом игумену Печерскому Поликарпу; слова эти частично дублируют тот же монолог Игоря Ольговича.

Игорь Ольгович:
... како святии правовернии цари пролья-ша крови своя, стражюще за люди своя... и како святии пророци, апостоли с мученикы венчашася и по господе крови своя пролъяша... (стр. 247).

Ростислав Мстиславич:
... хотел бых поревновати, якоже и вси правовернии цари пострадаша и прияша възмьздие от господа бога свего, якоже и святии мученици кровь свою пролъяша, уприяша венца нетленьныя... (стр. 363).

Тот же монолог Игоря Ольговича, но в редакции автора повести об убийстве Андрея Боголюбского, почти дословно воспроизводит и первая молитва перед смертью Давида Ростиславича; молитва эта — монтаж, составленный на основе и молитвенных обращений Игоря к богу и его благочестивых размышлений в начале монолога.

Андрей Боголюбский:
Господи! Призри на немощь мою, и вижь смиренье мое и зьлую мою печаль и скорбь мою, одержащюю мя ныне, да уповая терпьлю; о всих сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душю мою и в царствии твоемь причастьника мя створил... како святии пророци и апостоли с мученикы венцашася..., различныя смерти прияша, искушени быша от дьявола, яко злато в горниле; их же молитвами, господи, избраном твоем стаде с десными овцами причти мя... (стр. 399—400).

Давид Ро'стиславич:
Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою, вижь смирение мое, одержащая мя ныне, да тобою уповая терплю; и о всих сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душю мою, и во царствии твоемь причастника мя створи, молитвами пречистыя твоея матери, пророк, и апостол, и мученик, и всих преподобных святых отець, якоже и те пострадавше и угодивше тобе, искушены быша от дьявола, яко злато в горниле, их же молитвами, господи, избранному твоему стаду с десными мя овцами причти (стр. 472—473).

Андрей Боголюбский имел обычай ходить один в церковь и там молиться. Тот же обычай имел и Давид Ростиславич: рассказ о поведении и того и другого князя совпадает почти буквально.

Андрей Боголюбский:
... всяк обычай добронравен имеяшеть: в нощь въходяшеть в церьковь и свещи въжигивашеть сам, и видя образ божий на иконах написан, взирая яко на самаго творця, и вси святыя написаны на иконах видя, смиряя образ свой, скрушеномь сердцем, и уздыханье от сердца износя, и слезы от очью испущая, покаянье Давыдово приимая, плачася о гресех своих... (стр. 396).

Давид Ростиславич:
Сам бо сяков обычай имееть: по вся дни ходя ко церкви святаго архистратига божия Михаила, юже бе сам создал... И видя образ божий и все святыя иконы, смиряя образ свой, скрушеным сердцем и смиреным, уздыхание от сердца вознося и слезами обливая лице свое, взирая яко на самого творца и покаяние Давыда царя приимая, плачася о гресех своих, глаголя... (стр. 471—472).

Летописная повесть о смерти того или иного князя, как видим, уже содержит в себе в потенции все основные элементы так называемого княжеского „жития“: подчеркнуто агиографическую трактовку центрального героя, соответствующие экскурсы в его биографию (в повести об убий-